

3437327

2-10-29

Государственная
историческая
библиотека СССР

73219

№ 1

Январь 1929 г.

ТУРКМЕНОВЕДЕНИЕ

Государственная
историческая
библиотека СССР

Е ж е м е с я ч н ы й
историко-краеведческий журнал

(Год издания третий)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНСТИТУТА ТУРКМЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ.
АШХАБАД

К этнографическим характеристикам районов Туркмении.

*(Бытовая обстановка и женский труд в районе
Джебельского аула*)*

С. Морозова.

Население Джебельского аула состоит, преимущественно, из туркмен-иомудов рода Джафарбай (племени Шереб). Со слов джебельца-иомуда, Дурды-Клыч Давадова, на территории аула живет не менее 15 подразделений рода Джафарбай. Наименования родовых подразделений: «Кельте», «Кор», «Чукан», «Тумач», «Кажрма», «Панж», «Тюррюк», «Бала», «Бала-Бахелке», «Кара-Гуи», «Кулак», «Иль-Гая», «Дуяжи» и «Кизыл» **).

До настоящего времени кочевое население скотоводов дальних районов аула расселяется группами из семейств одного родового подразделения, и селения со смешанным (родовым) составом очень редки. Но чем ближе к линии жел. дороги, чем больше утрачивает хозяйство населения вид кочевого скотоводческого и население переходит к подсобным занятиям—работе на промыслах и железной дороге—тем смешаннее родовой состав селений. Среди поселков туркмен-иомудов, железнодорожных рабочих (вдоль ж.-д. линии) все семьи принадлежат к различным родовым подразделениям.

Внешняя жизнь иомудов тяжела и примитивна. Жилище кочевников—юрта „ои“ еще нигде не вытеснена зимним глинобитным помещением и зиму иомуды живут в юрте. Иомуды-рабочие, живущие по линии жел. дороги, уже начинают частично строиться: в их поселках можно встретить около юрт крытые сараи для скота или глинобитное помещение—кладовую. Иомуды-кочевники—скотоводы, живущие в песках, на десятки и сотни верст от Джебела, никаких хозяйственных служб не имеют: ни дворов, обнесенных заборами или плетнями, ни навесов, ни сараев для скота около юрт нет. Система зимнего кочевания лишает хозяев возможности строиться: летом, в жаркую пору, когда они находятся на постоянных стоянках вокруг колодцев, надобности в службах нет—вся жизнь проходит под открытым небом: даже ткнут

*) По материалам обследования Пон. Семинария САГУ в сентябре 1928 г. РЕД.

**) О родовом делении Иомудов см. раб.: Шаскольской—„Родовая организация туркмен“, Н. Иомудского—„Родословная туркмен“ и раб. Михайлова—„Туркмены Закаспийской области“.

женщины во дворе, охраняя себя от палящих лучей солнца невысоким навесом из натянутой на бревна кошмы.

А во время зимних перекочевок уже не до построек, убранство юрты и хозяйственный инвентарь абсолютно не подверглись влиянию города. Кроме нескольких чугунных вещей, железных ведер, чайной фарфоровой посуды, да в редком случае, самовара, вся посуда кочевников деревянная, кустарной работы *). Часть посуды готовится домашним способом—это вся, посуда из кожи: кожаные мешки—„яик“, в которых сбивают масло, готовят „чал“ (напиток из верблюжьего молока, вроде кумыса), хранят продукты—масло и творог. Домашним же способом готовятся и большие ведра из кожи—„Каюгоа“, вместимостью в 3-4 ведра, употребляемые для выкачивания воды из колодцев. „Яик“ готовят исключительно женщины, без помощи мужчин, при выделывании „каюа“ труд делится между мужчинами и женщинами. Тяжелую часть работы исполняют мужчины. Готовится „каюгоа“ следующим образом: цельная шкура крупного козла квасится дней 15 в растворе горькой гранатной корки с водой (толкут гранатную корку всегда женщины). После 15 дней квашения шкура вынимается, сушится и укрепляется на деревянной или железной раме. Шкура принимает вид ведра. (Натягивание шкуры на раму—дело мужчины).

Срок приготовления „каюа“—2½-3 месяца. «Так же, как скудна домашняя утварь, несложно и прочее убранство юрты. Вся жизнь иомуда проходит на земле—на земле он спит, ест, работает. Все убранство юрты, постель и одежда готовятся руками женщины. Покупается на рынке только деревянный остов юрты и плетенки из камыша, называемые иомудами «камыш». (В Джебельском ауле нет камыша, поэтому плетенка не готовится женщинами; в других районах работа по плетению циновки—исключительно женское дело). Составные части оборудования юрты, готовимые женщинами, состоят из кошмы, длинных тканых дорожек из шерсти «ои-кулан» и «бель-ин», обхватывающих юрту вокруг, узенькой цветной, тоже тканной тесьмы—гузи и различных предметов украшения юрты—ковров и паласов (ковры называются всеми туркменами „хали“; небольшие ковры, которыми зашивают двери, носят название—«энжи»), различного рода мешков из шерсти (мешки разного назначения носят свои названия: «карчин», «чувал», «хуржум», «хорба») и, наконец, подушек и одеял, делающихся также из шерсти. Не только части юрты и постель делаются руками женщин—некоторая доля материалов для одежды изготовляется иомудками самими: сукно для верхнего платья, наз. «чекман», умеют ткать все женщины **).

Бумажных и шелковых тканей иомудки не ткют, т. к. в их районе нет продуктов для выделки бумажной и шелковой пряжи, и материал на платье большей частью покупается на рынке. Современная одежда иомудки очень скромная: узкие длинные шаровары „балак“, широкая длинная рубаха, доходящая до подъямок ног—„кухинек“ и халат, набрасываемый на голову, плотный край которого позволяет скрыть ли-

*) Названия посуды у иомудов ничем не отличаются от таковых других туркменских племен: чугунная подставка для котла называется „таган“, котел—„казан“, обычной формы круглая ложка—„калам“, продолговатая дер. ложка—„чемче“, широкая дер. тарелка—„керсен“, чугунный кувшин, в котором кипятят воду на огне—„кундук“ и пр.

**) Кроме перечисленных предметов убранства, постели и одежды, женщины сами плетут мелкие веревки для скрепления частей юрты, так наз. „гоук-бак“ (крупные веревки—„арканы“ плетут мужчины, т. к. эта работа для женщины тяжела).

цо в моменты нужды. У девушек верхнее платье—„чабыт“ отличается от чабыта замужних женщин покроем.

„Чабыты“ девушек в настоящее время шьются, вроде длинного жакета; совершенно узкие, простые, часто из бумажной материи гладкого цветного тона. Старинное платье было очень нарядное, из дорогих материалов. Рукав „чабыта“ делался совсем коротким, чуть спускаясь с плеча на руку, и обшивался рядом монет и подвесок из серебра. Полы чабыта отворачивались, вышивались шелком и прикреплялись дорогими пуговицами к боковым швам; под рукавом выстрачивалось шелковой тесьмой трехугольное отверстие.

Головной убор иомудок совсем не похож на высокий тяжелый „бурок“ текинок и других турк-

„СТРОЯТ“ ЖИЛИЩЕ. (Кибитка кочевника)

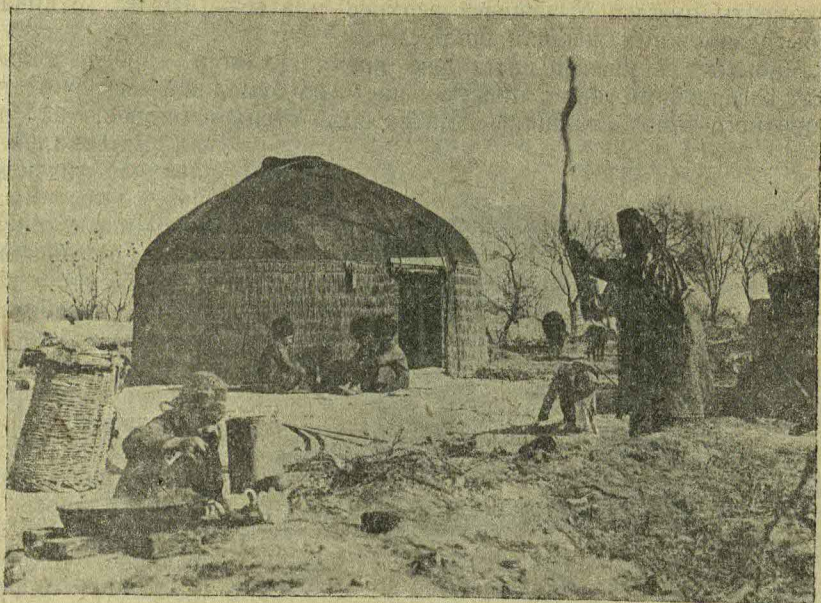
менским племен. Иомудки покрывают голову легким шелковым шарфом—„чаршоу“ (у женщин победнее „чаршоу“ бывает из дешевой бу-

мажной материи), концы которого свободно висят по спине, затем обертывают голову пеленой из красного платка, переплетая концы высоким узлом впереди „алындагы“, по верху головной повязки набрасывают с кистями кашемировый или шелковый платок, называемый „ягмак“*)

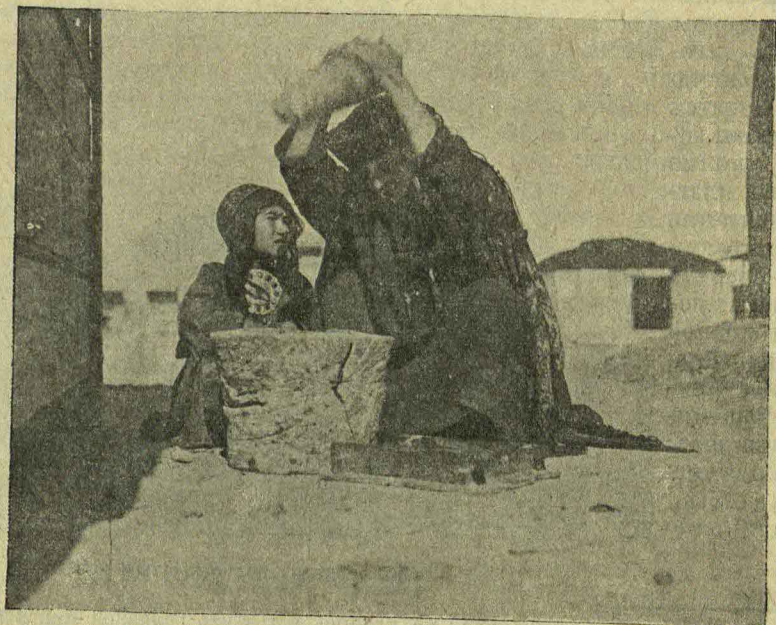

„Жизнь проходит под открытым небом“

*) В наблюдаемых аулах нигде не удалось встретить головной женской повязки, называемой „лачак“ (или „лечак“), которую встретил Карутц на женщинах туркменских родов на Мангышлаке в 1909 г. Книга Карутц—„Туркмены и киргизы на Мангышлаке“ стр. 22.

« . . . На плечи иомудки падает вся тяжесть
огромного домашнего труда

Кроме больших круглых серег, называемых «кулак халка», с которыми иомудки не расстаются даже во время работы, в обычные рабочие дни тяжелых серебряных украшений не носят, одевая их только в дни праздников или отправляясь в гости. Украшения из серебра, одеваемые в торжественные дни: „ачарбач“—украшение из серебр. пластинок с подвесками и поперечными перекладинами, очень тяжелое и часто чрезвычайно изящной работы; „чахраба“—ожерелье из бус с монетами на конце; «сагбаг—украшение для кос, с бирюзовыми глазками, «унжи» и др. Девочки и девушки носят нарядные вышитые тюбейки—«гахия» с серебр. макушкой, наз. «куппали-гахия», украшенные монетами и подвесками.

Все оборудование юрты, постель и платье девушка, по обычаю должна приготовить своими руками и принести с собой, в виде приданного, в дом мужа. Принося имущество с собой из дома отца женщина будто бы сохраняет право владения им. Все иомуды на вопрос: «имеет ли женщина имущественные права в хозяйстве», отвечают, что оборудование юрты, постель и женское платье принадлежат женщине, что она может этим имуществом самостоятельно распоряжаться. Но жизнь показывает другое: фактических прав на имущество в настоящее время иомудка никаких не имеет—она без согласия мужа не решится продать ни одной вещи из своего приданного, не может без разрешения подать кому-нибудь тряпки и пр. *)

В данном случае общее бесправное и покорное положение женщины в семье мужа, особенно в молодые ее годы, не ставит даже перед ней возможности личного владения имуществом. Особенно бесправна замужняя женщина в своем доме до рождения двух-трех детей. Молодая женщина в семье мужа первые годы жизни не может разговаривать полным голосом: она при старших всегда закрывает рот концом платка и все, что ей надо сказать, шепчет вполголоса, чтобы не оскорбить родных мужа дерзостью смелого разговора. После рождения двух или трех детишек, жизнь женщины становится несколько легче—она является уже хозяйкой дома, беседует со свекровью, советуется с мужем по хозяйственным вопросам и понемногу прибирает к рукам домашних.**)

Старость, дающая женщине некоторые права, расширяет рамки ее жизни и несколько освобождает ее от труда. Все литературные источники о туркменской жизни подчеркивают факты наличия в турменских аулах властных и энергичных старух, принимающих равное с мужчинами участие в хозяйственной и даже общественной жизни***).

С первого дня жизни в доме мужа, на плечи иомудки падает вся тяжесть огромного домашнего труда, примитивно ведущегося хозяйства. Присмотр за детьми, приготовление пищи, отопление жилища, доставка воды, уборка, шитье—вот ежедневная, утомительная своим однообразием и бесконечностью работа иомудки жены—матери.

*) Матер. Экон.семинар.—§§ 20, 21,—22 анкеты, стр. 11 текста. Также см. работу Михайлова „Тузетцы Закасп. обл.“

**) Правда, если в семье появится вторая жена, более молодая и красивая положение старшей жены часто ухудшится к старости, т. к. молодая жена располагается в доме и всем командует. (Патриархальных отношений старшинства среди жен одного мужа не сохранилось).

***). См. раб. Костина в журнале „Туркменоведение“ № 1-4 за 27 г., раб. Алиханова—„Мервский оазис и дороги к нему“ и матер. Экон. семинар. по Джебелу ст. 11.

Фото Б. Б А Ш.

НОМУДНА

В далеких кочевых аулах до настоящего времени сохранился домашний помол муки: пшеницу покупают в зерне и мелют ее женщины дома на ручных мельничных камнях — «дегерман». Обычно «дегерманы» устанавливаются на полу юрты и молотье зерно не представляет большой трудности

„... с детства тяжелый труд.“

—девочка 11, 12 лет справляется с маленькой «мельницей». Но работа у «дегермана» уносит страшно много времени. 8 фунтов пшеницы женщина мелет не менее 1 ½ часов. Запаса муки в доме никогда нет—каждый раз перед приготовлением пищи женщина мелет нужное количество муки на «дегермане» и просеивает через сито «хелек». Пекут лепешки каждый день, а если в доме есть гости, даже два раза в день—утром и вечером. Для выпечки хлеба служат небольшие круглые печи, обычного во всей Ср. Аз. образца, назыв. иомудами «тандыр». Повсеместно во всей Туркмении, готовят тандыры руками женщин. Вместо больших гончарных горшков, которые вмазываются в печь в некоторых районах Ср. Азии, в Туркмении тандыры складываются из сырцовых кирпичей на каменном фундаменте и штукатурятся глиной.

И складывают и штукатурят тандыры сами женщины. Часто один тандыр обслуживает несколько семейств: в селении в 25—30 дворов есть 5—6 тандыров.

При печении хлеба (иомудки выпекают довольно крупные лепешки, наз. ими «чурек», по форме похожие на продолговатые грузинские хле-

ДЕВОЧКИ-ТУРКМЕНКИ (пл. иомуд)

Иомудка (на спине кувшин с водой)

ступке „соккы“. (В соккы же обмолачивают рис, если он сорный, и толкут зерно для халхана).

Главные продукты питания—молочные продукты—приготавливаются исключительно женщинами. Они доят скот—овец, коз и верблюдов и приготавливают кислое молоко „катык“, творог „сузме“, масло „яг“, сыр—„курт“ и „чал“ из верблюжьего молока. Посуда иомудки-хозяйки скудна, неудобна и очень отягощает работу. И заготовка мяса лежит на женщине: летом мясо обжаривают и складывают рядами в глиняный кузшин, заливая ряды мяса салом, зимой сало топят и сливают в кувшины, а мясо солят и подвешивают в юрте.

Тяжелее всего для женщины—доставка воды, особенно, в зимнее время. В большинстве селений Джебельского аула воду приходится доставать из глубоких колодцев при помощи деревянного блока. Для пийки скота воду выкачивают верблюдом; для домашних запасов воду достают сами женщины. Работа женщин у колодца, когда выкачивают воду 5-6 женщин, впрягшись гуськом, согнувшись как бурлаки под тяжестью блока, производит удручающее впечатление на непривычного наблюдателя.

ба) наблюдается некоторое обобщение труда: женщины сговариваются друг с другом о часе выпечки лепешек и приходят к тандыру все вместе. Первая топка достается женщинам по-очереди; после выпечки первых лепешек, тандыр еще не успевает остынуть и следующие женщины его чуть-чуть подтапливают, тратя на выпечку минимальное количество времени и топлива. Хотя стол иомудов очень однообразный и невзыскательный, но приготовление пищи отнимает у женщин продолжительное время и сопряжено со многими трудностями. Блюда, употребляемые иомудами: мясной суп—„шурюа“, суп с галушками из теста—„кулак“, вареная в соленой воде лапша, заправленная кислым молоком или разведенным в воде творогом—„ун-аш“; болтушки из пшеничной муки—„бламак“, каша из толченой пшеницы—„копе“ пельмени—„борек“, густой суп с рисом—„шолз“, плов из риса с бараниной—„палау“ толокно из пшеничной или просяной муки «талхан». Самая невзыскательная пища—каша из толченой пшеницы, чуть заправленная разведенным творогом или маслом „коже“, требует не менее часа на приготовление: для того, чтобы растолочь зерно пшеницы иомудка 20-30 минут работает тяжелым пестиком, выдолбленным из камня, раскалывая зерна в широкой деревянной

Зимой женщины идут за водой легко одевшись, ноги их постоянно босы, ведра несут на головах, продрогшие от холода и измученные тяжестью.

Частично даже топливо заготавливают женщины, собирая кизяк вокруг дома и таская колючку. Только в том случае, если за дровами надо ехать далеко от дома, это делает хозяин.

Стирка белья и уход за детьми не отнимает у иомудки очень много времени: стирают они очень редко—не чаще одного раза в месяц, а за детьми особенно не ухаживают—купают только маленьких детей (возрастом до 40 дней), одевают малышей небрежно и грязно, и как только ребенок выучится сидеть, сдают его на руки старших подросших детишек.

Но без дела иомудке сидеть некогда, несмотря на малую затрату времени по уходу за детьми. Круглый день она занята по хозяйству. Обычно, вся тяжелая работа, сопряженная с затратой физических сил, исполняется женщинами молодыми—старухи тяжелой работы не исполняют: не ходят за водой, не мелют муки, они нянчат ребятишек, прядают, мотают нитки и пр. *).

Только в том случае, если молодые женщины спешат с тканьем, их от работы не отрывают и обед готовит и воду приносит старуха.

С первого дня замужества и до старости, пока на смену не придет в дом молодая жена сына, иомудка работает в доме без отдыха. С раннего утра, далеко до восхода солнца, начинается ее трудовой день. Вся семья спит еще, а хозяйка дома встает в темноте, чтобы справиться со всей дневной работой. Не отдыхая ни минуты, возится она по хозяйству—моет, готовит, шьет, вышивает. У женщины-матери двух-трех детей не остается времени и для отдыха посреди дня. Если и выберется у женщины свободная минута между работой по хозяйству, она не сидит празднично, а торопится воспользоваться ей для рукоделия. Всю зиму заготавливают женщины шерсть—треплют, прядут, мотают в мотки, вышивают, шьют, готовят из шелка узенькие цветные тесемки для отделок платья—„жнек“. А летом идет самая горячая работа—ткутся ковры, паласы, валяются кошмы, готовятся тканые и вышитые дорожки и мешки для украшения юрт и хранения вещей **).

Зимой ткать негде—станок занимает много места и им стеснять семью, живущую в одной юрте, нельзя, да и холодно; ведь костер, горящий посреди юрты, никогда не согревает помещения ровно.

В семьях обеспеченных женщины не ткут и не вышивают вещей на продажу. Там работа женщины исключительно направлена на украшение себя, семьи, жилища. Но материально нуждающиеся семьи часть работ женщин реализуют на рынке, и женское рукоделие постепенно принимает вид крупного промысла ***).

Не участвующие активно в производственной работе хозяйства и занятая круглый день только домашней работой, иомудка, естественно, стоит далеко от окружающей ее общественной жизни.

*) Вдовы, не имеющие в доме молодых женщин—жен, сыновей или младших братьев—исполняют всю домашнюю работу сами. В материалах скотов. Комитета ЦИК'а ТССР встречаются указания на непомерно-тяжелую работу старух. (см. т. в материалы Экон. семинария).

**) См. раб. Иомудского „Бытовые особенности туркмен“.

***)) В районе Джебельского аула на 1/X—1928 г. не было ни одной женской артели, и большая часть предназначенного к сбыту продукта уплывает в руки частных скупщиков, гл. об. персов.

Иомуды не дают девочек учиться, считая, что образование женщины не нужно: во всех школах Джебельского аула нет ни одной девочки. Женское движение встречается скрытой враждой со стороны мужчин и робкой отчужденностью со стороны женщин. Иомудок больше интересуется хозяйственно-практические, а не культурно-просветительские начинания женорганизации. Они с интересом расспрашивают, придет ли инструктор, чтобы научить, как обрабатывается пуховая пряжа, будут ли выдавать авансы под ковры и хорошую краску и пр.

Несомненно, ремесленная школа будет первые годы, пока кочевое население иомудов-скотоводов не втянуто в культурную жизнь, пользоваться исключительным предпочтением перед школой общеобразовательной.

Население туркмен Джебельского аула состоит не только из иомудов. В административном аульном центре—Джебеле—живет несколько десятков семейств племени „ходжа“. Все мужское население поселка ходжинцев—служащие и рабочие.

Образом жизни и бытовой обстановкой ходжинцы значительно отличаются от иомудов. Они перекочевали в Джебел с Мангишлака в 1918 г. и держатся довольно обособленно: брать жен из иомудок и отдавать своих женщин замуж за иомудов избегают.

Почти каждая семья ходжинцев имеет зимнее глинобитное помещение европейского типа, в большинстве случаев состоящее из одной комнаты с передней, и в юрте ходжинцы живут только летом. Домашняя утварь их—обычного городского образца, в некоторых домах есть европейская мебель.

На одежде городское влияние резко чувствуется: женское платье шьется короче обычной туркменской рубахи, украшается оборочками, воротничком, манжетами; ручных вышивок на платье вовсе не встречается. Материалы на платье фабричные.

Встречаются старинные вещи, сшитые из тяжелой парчи, украшенные гладким шелком.

Общее в одежде женщин-иомудок и ходжинок—головной убор: и те и другие повязывают голову совершенно одинаково. Конечно, костюм ходжинок отличался от иомудского уже в давнее время, и бросающееся в глаза различие объясняется не только влиянием близости городского европейского населения. Покрой довольно широких женских шаровар, по рассказам ходжинок, и в старое время, далеко раньше переселения их с Мангишлака, был не похож на обычный туркменский покррой. туго обхватывающий ногу. Они всегда носили теплое верхнее платье, называемое ими „бешмен“, в то время, как иомуды не знают даже этого термина. Также не удалось встретить у иомудов близ Джебела женских украшений из серебра, называемых ходжинцами „чаирас“ (полоса с нашитыми серебр. безделушками) и „юуз-нерсе“—тяжелый нагрудный убор, одеваемый через голову, из двух длинных, достигающих до живота, серебряных полос с подвесками из бубенчиков, колечек, цепочек.

Несмотря на то, что в настоящее время джебельские ходжинцы являются населением городского типа (скотоводов среди них не осталось) бытовой уклад их мало изменился, и все произошедшие перемены затронули только поверхностный его слой.

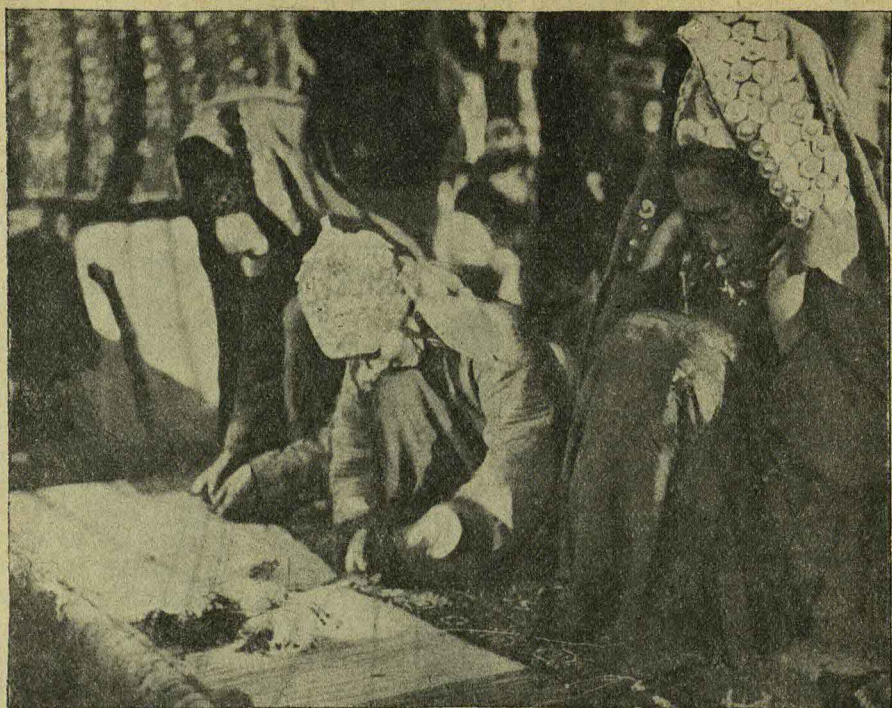
На работе вне дома женщина не участвует: на ст. жел. дор., на курорте Молла-Кара и др. учреждениях нет ни одной женщины работницы.

Во всем поселке только одна женщина (жена партийца, ответств. работника) грамотная и работает вне дома—заведует женуголком. И в

Рис. художн. ЩАПОВА.

„Яик“, в котором немудки сбивают масло. (См. стр. 72).

Туркменни-новродельщицы.

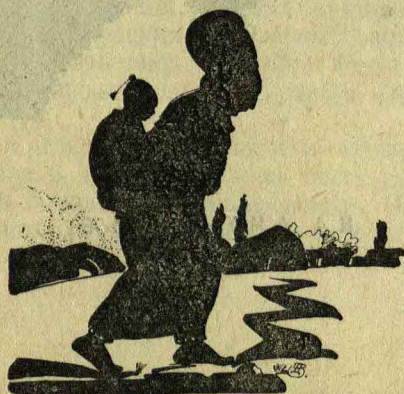
женуголок женщины ходят редко и с нежеланием. Несколько состоявшихся заседаний были полностью поглощены одним вопросом—организацией женской ковровой артели, которую женщины ожидают с нетерпением.

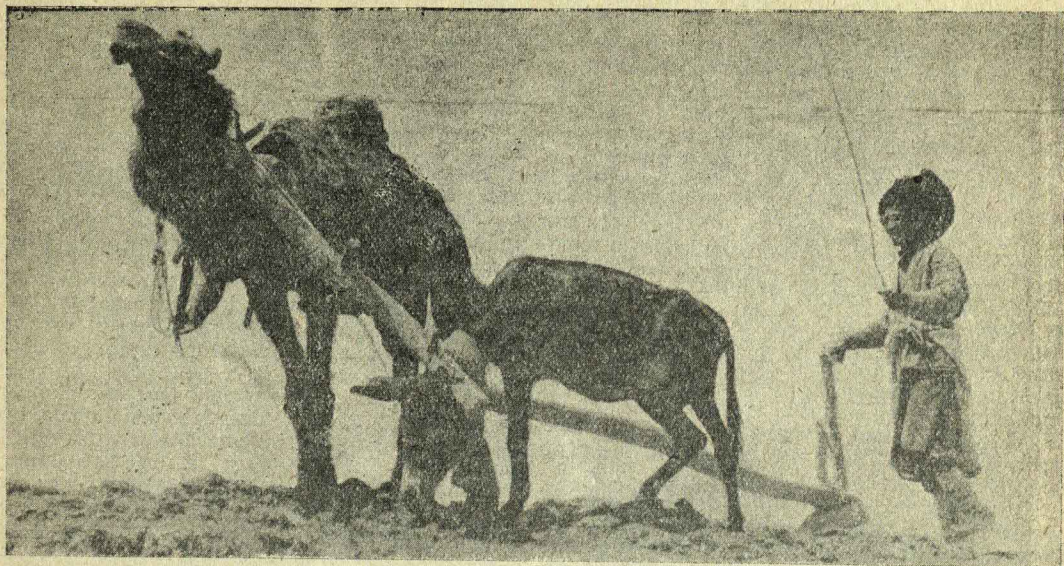
Культурно-просветительная и правовая сторона женского движения и в среде ходжинок не встречает пока отклика. Т. к. близость базара несколько освобождает женщин от домашней работы (ходжинки даже хлеба не пекут дома, а покупают на базаре), свободное время женщины заполняют рукоделием: паласы и ковры ткут в каждом доме.

Население ходжинцев не отличается материальной обеспеченностью, и большая часть женских рукоделий поступает на рынок, пополняя своей стоимостью недостатки бюджета.

В общих чертах, жизнь женщины-ходжалинки очень напоминает жизнь европейки-мусульманки (татарки) в дореволюционное время: нет затворничества, во внешние стороны быта постепенно проникает, заменяя новым старое, европейское влияние, но и нет пока участия женщины в общественной жизни. Женщины уже не боятся пойти к доктору, они ходят одни без мужчин за покупками на маленький поселский базарчик, но этим, пожалуй, и ограничивается их относительная свобода и „культурность“. Встречаясь с мужчиной, молодая ходжинка обязательно прикроет рот концом спущенного с головы платка или скроет лицо за краем наброшенного на голову халата. Дома с родственниками молодые женщины разговаривают тихо, стесняясь обращаться с вопросами к старшим родным, особенно к родителям мужа. И ходжинцы девочек учиться не отдают: в двух школах при станц. городке нет ни одной ученицы-ходжинки.

Но объективные обстоятельства: близкое соседство с европейским населением ст. Джебел, широкое вовлечение мужской пока молодежи в образование, наконец, хозяйственная потребность привлечения женского труда в активное участие в производственном процессе через развивающиеся женские промыслы—способствуют дальнейшему развитию и углублению происшедшей уже ломки внешнего покроя быта. Можно с уверенностью сказать, что 3-4 года вдумчивой общественно-просветительной работы среди населения ходжинцев сделают Джебел не только административным, но и культурным центром отсталого и консервативного кочевого района.

А. МОРОЗОВА

ТРУД ТУРКМЕНКИ

(Влияние быта на направление женского труда в Туркмении*)

Каждый внимательный наблюдатель легко замечает разницу между бытовым укладом туркмен и близко родственными им соседями — узбеков, с одной стороны и казаков — с другой.

Несмотря на этническое родство и одинаковые в некоторых районах хозяйственные условия, туркмены очень существенно отличаются от узбеков и казаков своеобразными, им одними свойственными чрезвычайно стойкими бытовыми формами.

Причины этого различия приходится искать в далеком прошлом, в различных хозяйственных и политических условиях формирования народностей, даже в различном происхождении отдельных составных частей, составивших каждую национальную группу. **)

Впитавшиеся тысячелетиями бытовые навыки владеют населением туркмен очень крепко и заменяются медленно только под одним могучим воздействием — постепенной заменой одних хозяйственных форм другими.

*) По материалам Экономического Семинария Сельфака САГУ.

**) О происхождении туркмен см. работы: Яворский «Антропологический и этнографический очерк туркмен»; Ошанин «Тысячелетняя давность домхозцетам у туркмен» и его же «Некоторые дополнительные сведения». (Известия Ср.-Аз. Комстариса 1927—28 г. вв I и III); Юмудский «Бытовые особенности туркмен»; Семенов «К проблеме национального размежевания Средней Азии».

Быт кочевников-туркмен уже не похож во всех чертах на быт туркмен-земледельцев, и это не может быть иначе: другие формы труда, влияние оседлых соседей, которым приходится подражать как более искусным хозяевам, вытеснение старых хозяйственных навыков новыми — делают бытовые формы неузнаваемыми. Но ход развития хозяйственных форм у туркмен происходит медленно и в очень невыгодных природно-экономических условиях. Медленный темп и консервативные формы развития определяются многими причинами, среди них главные: изолированность от более культурных соседей, разбросанность отдельных племен друг от друга тяжелыми для преодоления пустынными пространствами, исключительно тяжелые условия орошения годных для земледелия площадей.

До конца XIX столетия сохранился древний характер их существования — военно-кочевой вольницы, живущей набегами на своих соседей и эксплуатацией добытого набегами имущества, главным образом стад.

Консервативные упорные кочевники, привитые внешней историей новые формы принимали только в соединении со старым, — и распространявшаяся в XI—XII веках мусульманская религия до сих пор не уничтожила очень многих бытовых обычаев, противоречащих Исламу, а только несколько их видоизменила и добавила новые черты к уже существовавшим. Другие же, более сильные чем религия, факторы развития — просвещение, живая общественная жизнь и культурное влияние со-

седей отсутствовали. Повторяемая из года в год, из века в век жизнь, естественно, приняла как бы окаменевшие формы и новому влиянию подчиняется трудно. Изучая в довоенное время вопрос внедрения новых европейских законов в среду туркмен, взамен действующего обычного права, Ломакин писал следующее: «С введением русских законов в среду туркмен во всей их полноте, на первых же порах, пришлось бы сослать в Сибирь тысячи почетных туркмен за то только, что они живут по своим понятиям и по обычаям, которые во многих случаях хотя и кажутся нам дикими и нелепыми, но для них дороги, потому что по ним жили и судились их предки, потому что они вошли в их плоть и кровь до такой степени, что жизнь по новым законам, преждевременно введенным, казалась бы им не жизнью, а каторгой. *)

Много изменилось в туркменах с того времени, когда были написаны эти строки, но не все. И сотни тысяч туркмен и в настоящее время сочили бы каторгой жизнь, лишенную привычного бытового уклада.

Большинство населения туркмен борется с обстоятельствами всяческими способами, чтобы сохранить формы своей жизни и рамки своей семьи в том виде, который кажется им лучшим и нормальным.

Каждое отступление от вековых навыков, каждое мелкое видоизменение старого совершается под давлением одной суровой материальной необходимости. Насколько медленно происходит видоизменение туркменского быта можно судить по тому обстоятельству, что у земледельцев-туркмен племени теке, перешедших почти два столетия тому назад к оседлому образу жизни во всех мелочах живут старые кочевые обычаи—например, инсценировка умыкания невесты. Жилища, пища и одежда оседлого и кочечевого населения в некоторых районах почти не отличаются—многие земледельцы Мервского оазиса, выстроившие зимние глинобитные помещения, по примеру соседей, в большинстве случаев зиму продолжают жить в холодных юртах, а новую постройку используют под кладовые для припасов. Даже среди старых оседлых племен туркмен Алилийцев, Ходжалийцев и др. сохранились во всей свежести старинные бытовые обряды и обычаи.

Какие же черты сохранил этот бытовой уклад в положении туркменской женщины в семье и обществе?

Обращаясь к далекому прошлому туркмен, к былой вольной походной жизни, в семье дикого воина мы найдем условия, объясняющие современное положение. Самое создание семьи в редком случае могло произойти мирным путем. Среди обстановки военной жизни, полной опасностей и приключений, жена легче и чаще доставалась среди прочих трофеев победы. Положение пленницы всегда одинаково: до тех пор пока к ней не привыкнут и не начнут ей доверять, ее окружает недоверие и суровый режим. Родившиеся дети привяжут женщину к отцу их, она постепенно забывает покинутых родных и становится живой частью семьи, когда то насильственно созданной. И второй путь к созданию семьи—полюбовная сделка жениха или родных его с родителями невесты

— не является браком по согласию девушки и сопровождается также насилием, если не физическим, то нравственным. Эти черты насильственного ввода женщины в семью со всеми вытекающими последствиями насилия проходят красной нитью через многие века и еще ярки сейчас. Правда, в некоторых случаях, от бывшего унижающего отношения к жене, как к пленнице, в данное время в туркменской семье сохранились большие внешние живые и лицемерные формы, подчеркивающие, что женщина считается существом низшего порядка в сравнении с мужчиной. Муж стыдится идти рядом с женой по улице, есть с ней из одной тарелки, при посторонних избегает с ней разговаривать. Женщину не называют в семье мужа по имени и ей не дается права произносить имени мужа и близких родных его. А между тем, в узком семейном кругу, особенно, если в семье не живут родители мужа, молодая женщина, не смеющая при посторонних заговорить с мужем, играет иногда роль полновластной хозяйки, вмешивается во все дела мужа и, по остроумному замечанию одного местного краеведа, характеризующего отношения в туркменской семье, «подбашмачничество среди туркменских мужей встречается чаще, чем среди любого европейского народа, где женщины занимают несколько привилегированное место».

Подчиненное положение женщины-туркменки в семье мужа, безусловное послушание ее родителям мужа и всей родне по мужской линии, становится понятным, если учесть другую, привитую веками, бытовую черту, свойственную всем турецким народам, — доминирующее старшинство по мужской линии. Последнее — пережиток далеко ушедших патриархальных отношений — очень крепко живет среди туркмен. Дети беспрекословно подчиняются родителям, младшие члены семьи — старшим.

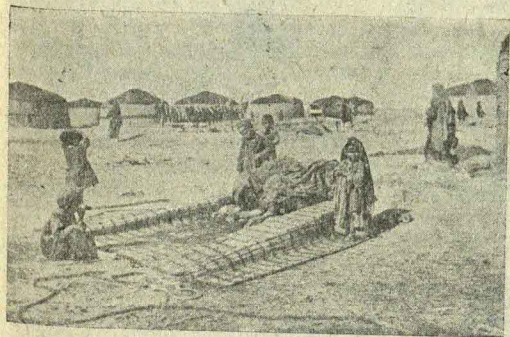
Конечно, для женщины все эти бытовые рамки гораздо теснее, чем для мужчины. Положение молодой женщины в семье мужа, постороннему, незнакомому с туркменской жизнью свидетелю, кажется положением рабыни.

Суровые законы обычая запрещают женщине разговаривать со старшими родственниками мужа. Со свекром женщина не имеет права говорить в продолжение всей своей жизни. Свекровь и жены старших братьев, обычно, дают это разрешение по прошествии нескольких лет совместной жизни. (Некоторые женщины рассказывают, что они не говорили со свекровью первые десять лет жизни в семье). Иногда разрешение это сопровождается маленьким домашним торжеством: собираются в гости женщины, делается угощение и свекровь дает разрешение говорить с собой. Если семья не фанатична, все стараются поскорее исполнить формальные требования обычая и ввод молодой в семью мужа заканчивается в два—три года, вернее как только появятся первые дети.

Ограничение прав туркменки в семье мужа определяется и ролью женщины в хозяйственном процессе. Роль женщины в хозяйстве кочевника-воина сводилась к узкой домашней работе. Средства к жизни добывал и доставлял муж. От успехов его военных предприятий зависели благополучие и покой семьи. Переход туркмен от военной к спокойной обстановке

*) Ломакин «Обычное право туркмен».

новке не изменил организации кочевого хозяйства: роль организатора осталась в руках мужчины—мужчина выбирает место для перекочевки, руководит в пути караваном, несет защиту семьи и имущества. Круг деятельности женщины не расширяется. Участие ее в производственных операциях кочевого скотоводческого хозяйства исключается самой организацией хозяйства: стада пасутся всегда вдали от жилья под наблюдением пастухов и даже хозяева-мужчины редко ездят к стаду, уход за стадом, пойка его лежит на обязанности пастухов. Вся ответственная работа в хозяйстве выполняется мужчиной. Он стрижет скот, роет и чистит колодез, моет запас шерсти, если он велик, помогает пастуху в работе над отбором каракулевых овец, выделяет шкурки, делает необходимые хозяйственные распоряжения, распределяет полученный продукт и реализует его. А весь круг женской работы ограничен порогом ее юрты, самое большое колодез, из которого она носит воду для своего хозяйства. Туркменка работает при стаде только в период доения овец, когда вечно, в марте и апреле, переезжает вся семья кочевника ближе к стаду и три—три с половиной месяца его не покидает. Это самое тяжелое время для жены скотовода: чтобы выдоить триста овец, ежедневно хозяйка тратит по 6—7 часов. А кроме доения надо присмотреть за слабым молодым, сбить масло, заквасить молоко, сделать творог, высушить сыр. Домашняя работа туркменки огромна. Ведь на ее руках кроме приготовления пищи, стирки, присмотра за детьми, уборки жилья, лежит изготовление тканей для одежды, обработка шерсти и всевозможные поделки из нее — приготовление одеял, кошм, паласов, ковров, дорожек, мешков и пр. У женщины нет ни минуты свободного времени за весь день. Даже в то время, когда в доме есть гости и

Турименки за выделкой кошмы

хозяйин дома занимает гостей разговорами вокруг царит безделье и веселье—женщины не сидят без дела: они или прядут шерсть, или перематывают ее на мотки, готовя для окраски, или вышивают. Эту черту—никогда не оканчивающуюся женскую работу у кочевников—так верно подметил во время своего путешествия по Средней Азии еще Вамбери. *) Но вся эта работа, занимающая у женщины огромное количество времени, не ценится в семье, как необходимая, повседневная домашняя работа и не прибавляет ей удельного веса в хозяйстве.

*) Вамбери «Путешествие по Азии».

Так же как в европейской семье часто абсолютно не замечается домашний утомительный, громоздкий женский труд, так и туркмены на вопрос «что делают ваши женщины?» отвечают с улыбкой пренебрежения: «что умеют делать ваши женщины... ничего не делают, сидят дома с ребятами, готовят обед, пекут хлеб, шьют, вышивают».

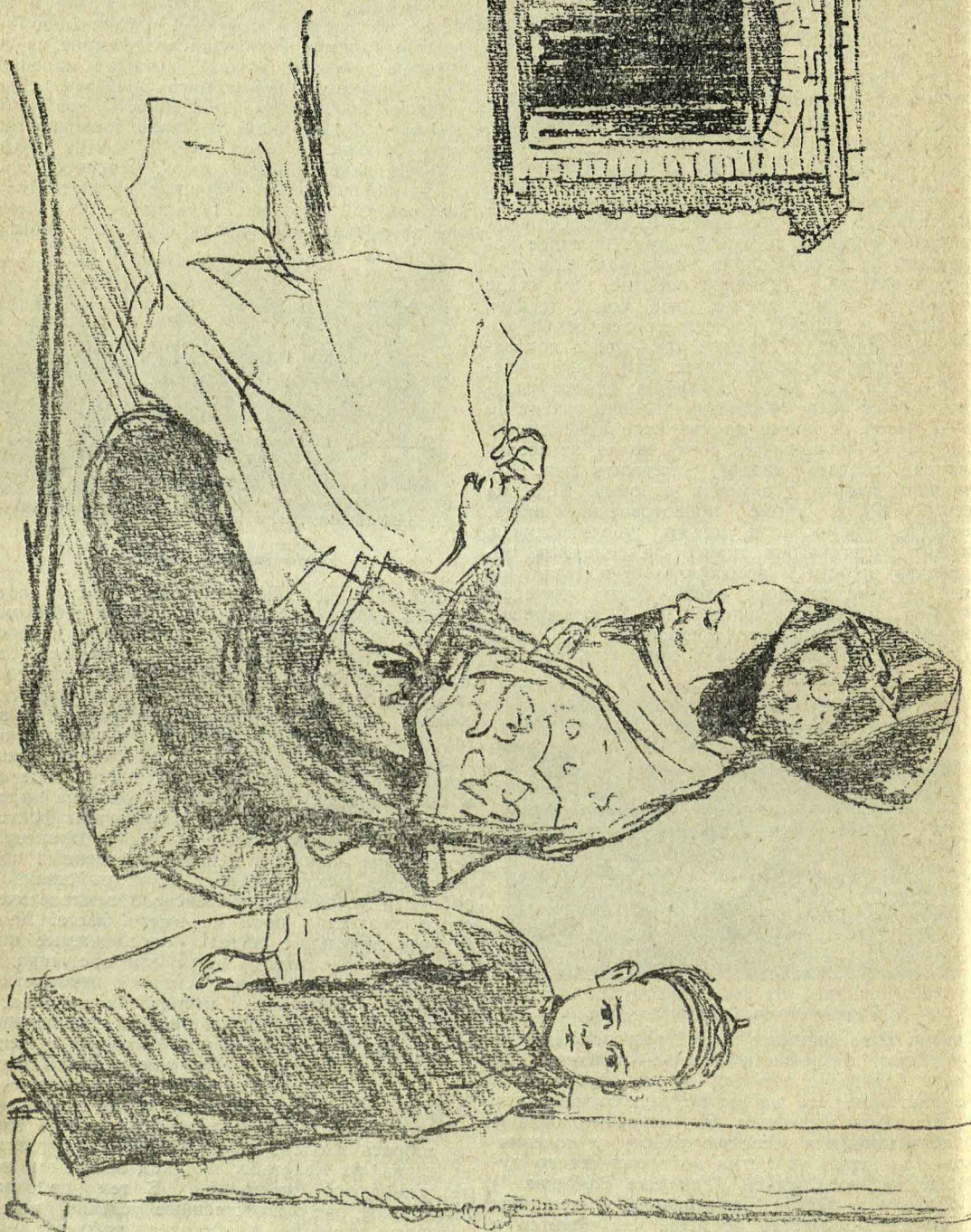
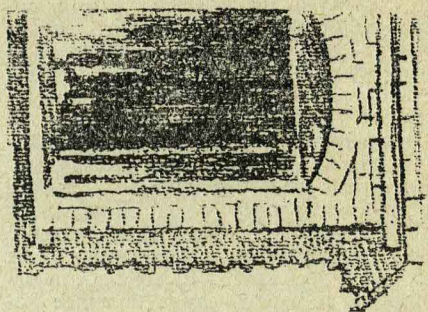
Переход к оседлому образу жизни и занятия земледелием изменили организацию хозяйства туркмен и оказали воздействие на некоторые бытовые формы, хотя не изменили еще основного характерного признака туркменского хозяйства: обязанность добывать осталась за мужчиной. Мужчина привозит топливо, работает в поле, роет и чистит оросительные каналы, ловит рыбу, реализует продукты производства. Женщина осталась только хозяйкой в узких границах своего дома, она привлекается только к обработке добыча-

Туркменки (едят плов)

емого мужчиной. Потребности хозяйства прибавили разнообразные функции к женскому труду, отсутствующие у кочевников-скотоводов, к обязанности женщин прибавились: заготовка овощей и фруктов на зиму, приготовление посуды для хранения их, переработка хлопка, шелка и хлопко-ткачество, уход за крупным молочным скотом, шелководство, птицеводство и пр. и пр. Но вовлечение женщины в процесс производства, выступление ее в роли активного участника хозяйства идет очень медленно и тормозится многими факторами и экономического, и бытового характера. Вовлечение женщины в производственный процесс через участие ее в сельскохозяйственной работе в условиях туркменского земледельческого хозяйства пока не имело места. Крошечные земельные наделы, определяемые постоянным недостатком воды для орошения и отсутствие интенсивных систем земледелия приводят к неполному использованию запаса мужского труда в хозяйстве и совершенно исключают участие в сельском хозяйстве женского труда. Только в короткие периоды острой нужды в дополнительной рабочей силе—главным образом, в периоды сбора урожая—выходит женщина в поле, чтобы помочь мужу собрать хлопок, овощи, фрукты. Ни полка, ни жатва, ни молотба, ни уход за стадом не обслуживаются женщиной. В тех районах республики, где хозяйственные условия чаще вызывают моменты недостатка рабочих рук, там туркменка более полно занята в различных сельскохозяйственных операциях.

Образцом последнего могут служить хозяйства оседлых туркмен, живущих по берегу

ТУРКМЕНКА ЗА РАБОТОМ

Каспийского моря в Красноводском районе, пригородные аулы близ города Каахка и др.

Население туркмен, живущее по берегу Каспийского моря (селение «Ала-Тепе») издавна занимается рыбной ловлей. Земледелие на неорошаемом искусственным образом берегу невозможно и кое-где, пользуясь колодезным орошением, туркмены разводят огороды. Мужчины-рыбаки большую часть своего времени отдают основному занятию—рыбной ловле, а вся прочая работа по хозяйству ложится на плечи женщин. Женщина является в семье рыбака полной помощницей мужу и вовлечена в труд очень полно. В редкой семье женщина не помогает мужу и в рыболовстве. Во время ночной ловли, с восходом солнца, идут жены на берег моря, помогают привезшим рыбу мужьям разобрать и развесить снасти и выгрузить рыбу на берег. Тут же на берегу они вычистят выловленную сельдь и в 5–6 часов возвращаются к домашним работам. Кроме обычной домашней работы в их обязанности входит и уход за огородами. В горячее время туркменку в «Ала-Тепе» можно видеть даже за кетменем и поливающей огород: муж уехал в море за рыбой, а тут подошла очередь пользоваться колодезем—женщина забирает детишек постарше и идет выкачивать воду. Не только сбор урожая, но частично и реализация его осуществляются женщиной. Правда, жизнью не сметено еще запрещение появляться женщинам в толпе, и на базар в Красноводск, чтобы продать овощи, женщины не выйдут, но в доме у себя они самостоятельно продают овощи приехавшим из Красноводска покупателям и получают деньги.

Еще полно вовлечена в сельско-хозяйственную работу туркменка в аулах Юуз-Баши и Он-Беги, Каахкинского района.

Район вокруг города Каахка истари земледельческий. Население района давно оседлое племя Али-Или. Внешние формы их быта типичны для земледельцев: помещение кочевников, юрта, не сохранилось. Живет население в глинобитных постройках с небольшими дворами, обнесенными стеною. В обиходе много домашнего инвентаря европейского образца. Во многих домах есть даже европейская мебель: столы, кровати и пр.

Земледельческие хозяйства все преимущественно хлопководческие. Потребность в активном участии женщины в хозяйстве есть, и женщина вовлечена в труд в большем раз-
мере, чем в других районах.

Здесь женщины не только помогают собирать хлопок, они даже ходят на поденные работы по сбору хлопка в соседние кишлаки, чего не встречается ни в одном из других районов. Молочным хозяйством всецело руководят женщины, шелководство исключительно женское дело — мужчины не участвуют в нем абсолютно. В Сельколхозе им. Калинина на обязанности женщин лежит уход за обобществленным стадом и стрижка овец (по туркменским понятиям совершенно не женское дело), потому что мужчины полностью загружены в других работах.

Имеющиеся примеры указывают, что в сельско-хозяйственной работе туркменка не принимает участия до тех пор, пока это не требуется имущественным состоянием хозяйства. До настоящего времени только такой убедительный фактор, как голод или угроза его вырывал

туркменку из тесных рамок ее жизни—в моменты острой нужды уступает консервативная туркменская жизнь свои бытовые позиции. С огромной неохотой отпускает туркмен свою жену на работу вне дома, эта работа грозит разрушением многих бытовых форм, которыми туркмены дорожат, грозит изменить основы семьи. Женщины, работающие вместе с мужчинами, сознающие значение свое в хозяйстве и не боящиеся жизни, перестанут быть туркменками прошлого времени, идеалом, создавшимся на протяжении многих веков.

У туркмен очень остро стоит вопрос женской чести. Не только целомудрие, но и абсолютная внешняя скромность являются необходимыми положительными качествами женщин. Девушку-туркменку в семье держат очень строго, роман девушки до замужества — трагическое событие, он никогда не простится и часто служит причиной, разрушающей брак. *) Дурная репутация девушки, слышущей ветрености, налагает печать порицания не только на виновницу, но и на всю ее семью, и среди туркмен нередки случаи убийства братьев сестры, если имя девушки покрыто позором, смуть который, по мнению туркмен, можно только кровью. Не только разговор — пристальный взгляд женщины на постороннего мужчину считается неприличным. Если молодая, замужняя женщина, нарушая соответствующий обычай, вступает в разговор с посторонним мужчиной, не прикрывая рта концом платка «яшмак'а», бойко и смело говорит со старшими, к ней относятся с осуждением, а если она, не взирая на осуждение, идет дальше в своем неподчинении обычая,—ее покроют презрением, называя ее развратной, падшей женщиной. Насколько круты народные обычаи к нарушению скромности и верности, можно судить по суровому наказанию, полагающемуся обычным правом за измену—убийство, совершенное за измену, не карается. Воспитанные в обстановке послушания и под строжайшим надзором старших, женщины в продолжении всей своей молодости не выходят из подчинения—сначала матери и сестры, затем—свекрови и старших родственников в семье мужа. Только расставшись с молодостью, перешагнув в «старшее поколение», женщина приобретает право на полное участие в окружающей жизни. Пожилая женщина, имеющая взрослых детей, является уже в доме главной хозяйкой. Взрослые сыновья подчиняются распоряжениям матери и не могут ослушаться. В аулах туркмен часто встречаются энергичные и самостоятельные старухи, которые распоряжаются не только своим домом, но и припи-

*) Среди турецких народностей Средней Азии, не подвергнувшихся сильному гражданскому влиянию—казаков, киргизов, кара-калпачков и многих племен узбеков, недавно перешедших к оседлому образу жизни, невинность невесты не является необходимым условием брака. Обычно, у них девушки живут до замужества очень свободно, и любовные связи среди молодежи очень часты. Доказательства невинности в брачном обряде у них уже не имеют места, хотя, по рассказам стариков, в старину они существовали.

См. по данному вопросу работы: Карути «Туркмены и киргизы на Мангышлаке», Зеланд «Киргизы». Даваев материалы по этнографии казаков», Гребенкин «Узбеки» и др.

мают активное участие в общественных делах. *).

Примеры земледельческих районов с давно оседлым населением подтверждают предположения о грядущих переменах. В придорожных кишлаках Каахка большее участие женщин в сельском хозяйстве и крупный удельный вес в хозяйстве женских промыслов **) во многих семьях совершенно изменили женщин. Они уверены в себе, не позволяют бить себя, не дают распоряжаться своим заработком мужьям, смело идут на собрания и с большим интересом относятся к работе женорганизаций. Разводы среди али-илинцев, аулов Юз-баши и Он-беги теперь уже обычная вещь, и редкая девушка позволит выдать себя насильно замуж. В аульных школах девушки и девочки учатся вместе с мальчиками, и открывающиеся ликбезы для взрослых женщин работают вполне нормально, с полной нагрузкой учащимися. Особенно вынуждают к этим изменениям в способе реализации продуктов женского кустарного производства. В Каахка женщины уже не прибегают к посредничеству мужа: они самостоятельно ходят в контору Кустпромсоюза, сдают работу, получают деньги и принимают новые заказы. Вовлечение женщины в производственный процесс и общественную жизнь прошло в Каахкинском районе свою долгую историю и в настоящее время переносит нормальный революционный переход к новым формам.

Но подобных Каахка благополучных районов в Туркмении мало. Ведь населению круп-

ных аулов Каахкинского района понадобилось сотни лет, чтобы достичь безболезненности пе-

Туркменка за выделкой ковровой пряжи

рехода к новому быту. Остальные районы страны с населением, недавно перешедшим к земледелию, находятся в несравненно худших условиях. Там нужны и другие пути к подготовке населения к этому переходу. Этими путями являются—просвещение и умелая организация наличного женского труда, завоевавшего себе место в хозяйстве.

Хозяйственные условия требуют помощи мужчине в его борьбе за существование со стороны женщины. И эта помощь приходит пока в Туркмении в виде части скромной домашней работы, о которой говорит туркмен с засмешливой улыбкой, в виде женского художественного рукоделия и ткачества. Развитие того и другого определялось веками. Отсутствие нормального товарного обмена вынудило туркменку стать ткачихой, чтобы одеть семью и отдавать огромное количество времени рукоделию, чтобы украсить себя и жилище. Особенно во втором искусна туркменка. С 9—10 лет девочку начинают обучать вышивать шелком и ткать из шерсти. В 13 лет девочки уже знают десятки рисунков и легко делают кропотливую работу со взрослыми. Этим ранним трудом командует бытовой обычай — приносить в дом мужа приданное. Невеста приносит в виде приданного все оборудование юрты: постели, кошмы, ковры, паласы, мешки. Если девушка переходит из дома отца бесприданницей—ее засмеют подруги, родные и новая родня со стороны мужа. В день переезда ее на постоянное житье в дом мужа, в юрте раскладывается все заготовленное приданое и женщины, толпясь вокруг, все разглядывают, осматривают и оценивают. Вся работа над приготовлением приданого должна быть исполнена самой девушкой во время жизни ее в родительском доме. На это приготовление уходит 3—4 года. Родные, сосватав девушку, начинают с первого дня сговора получать за дочь ка-

Молодые няньки (девочки туркменки пл. иомуд).

*) Отсюда понятны крупные % % пожилых женщин и старух в составе туркменок-работниц женорганизаций и членов промысловых артелей.

**) В районе на 1 ноября 1928 года было организовано 8 женских артелей: с количеством членов 588 чел. В некоторых семьях заработок женщин ткачеством и вышиванием составляет 40 процентов всего хозяйственного бюджета.

лым *) и готовить ей приданое. Девушка в доме отца—чужая работница. Все ее рукоделие, вся работа делаются ею для своего будущего дома. Недаром так мало радуются родители девушки при ее рождении. Девочка не помощница в работе для отцовского дома, на нее нельзя положиться в старости—уйдет в чужой дом—пропала для семьи.

Хозяйственные обстоятельства по заготовке приданого и получению калыма создали интересный свадебный—обычай «вручения» нареченной девушки жениху и возвращения ее на некоторое время в дом отца, известный в настоящее время под названием «кайтарма». Брак не может еще состояться: семьей невесты не получено полностью условленный калым и не заготовлено все приданое. Но раз половина калыма выплачена, жених должен иметь какие-нибудь подтверждающие доказательства будущего брака—совершается обряд «вручения» невесты жениху. Обряд этот в прошлом соответствовал несколько старинному русскому обычаю обручения невесты и жениха задолго перед свадьбой. По старинному обычаю девушка не должна стать женой жениха в этот период. Сближение их считалось позором. В настоящее время обычай несколько видоизменился—из обряда, схождения с обручением он превратился в вид какого-то «пробного» брака и обычно девушка становится женою с момента переезда в дом жениха. След запрещения близости сохранился в современном быту туркмен—запретные свидания жениха и невесты.

Если по возвращении домой, в дом отца, через некоторое время девушка окажется беременной—со свадьбой торопят, так как родить в доме отца считается недозволенным требованием чести. У других турецких ср.-азиатских народностей, близких по быту к туркменам, вопрос супружеской близости жениха и невесты не ставится столь остро, как у туркмен и девушка, вернувшись в дом отца, нередко открыто встречается со своим будущим мужем, всегда близка с ним и часто родит в доме отца.

Обычай снабжать девушку приданым не был предусмотрен нормами обычного права, в обычном праве туркмен нет указания, имеет ли право муж жаловаться на отца, если жена не принесла ему в дом приданого. Это обстоятельство говорит за то, что калым нельзя рассматривать исключительно возмещением расходов на приданое. Несомненно, права те исследователи вопроса о калыме, которые считают, что в основе своей калым имеет более глубокое значение: патриархальные устои момадов накладывают на детей священные обязанности содержания старых родителей, так как дочь выходит замуж, покидает родителей навсегда и не может заботиться о стариках, муж уплачивает родителям за содержание и воспитание девушки, принимая на себя ее обязанности перед родителями. **).

И в семье мужа каждую свободную минуту женщина отдает рукоделию. Хозяйственная необходимость усаживает туркменку за ткацкий станок, а запас художественных творческих сил,

не имеющей других путей для проявления, придает этой работе характер тонкого искусства. До того момента, пока экономические условия не потребовали привлечения женского труда на помощь мужчине, весь продукт женской работы обращался на нужды семьи, и на рынок женщины работали очень мало. Но хозяйственные требования все шире и больше вовлекают женщин в процесс добычи и к настоящему времени из домашнего женского рукоделия выросло несколько крупных промыслов: кошмоделие, шелкоткачество, хлопкоткачество и ковроделие. Экономические условия с каждым годом повышают развитие женских кустарных промыслов, доводя их до уровня крупной кустарной промышленности.

Последние годы женские кустарные промыслы вовлекаются в кооперативное движение и весьма успешно. Отчетные данные Кустпромсоюза ТССР, приводимые ниже в таблице дают интересные цифры роста женского промыслово-кооперативного движения.

Первые три вида промыслов обслуживают, главным образом, внутренний рынок. Продукты промыслов потребляются местным населением. Последний промысел—ковроделие является крупнейшим и в подавляющем большинстве обслуживает внешний рынок, доставляя экспортный, высокой ценности товар.

Насколько высок удельный вес его, видно из цифры, характеризующей стоимость продукции—2.500.000 руб. *). По плановым предположениям государственных заготовительных организаций к 1 января 1929 года ожидается прием 50.000 кв. м. ковров, из которых 75 проц. идет, как экспортный товар и только 25 проц. рассчитано для внутреннего употребления.

Несмотря на солидное место, занимаемое женскими промыслами в народном хозяйстве страны и крупный рост кооперирования женских промысловых артелей, сам производственный процесс пока совершенно не подвергся изменениям и не оказывает крупного влияния на общую бытовую обстановку занятых им женщин. Кооперирование артелей не изменило процесса производства. Туркменки-кустарки все работают в своем домашнем кругу, подчиняясь безусловно и во всем царящему в нем быт. укладу. В подавляющем большинстве случаев все сношения с внешним миром—организационная работа артелей, получение авансов, материалов, сдача готового продукта и расчет за него—возлагаются на мужчин или пожилых женщин, возраст которых дает им «права гражданства». Молодые же женщины являются только живой машиной, продуктом работы которой оперируют посредники. Несравненно большее значение в ломке и замене старого быта могло бы сыграть участие женщины в коллективном производстве—работа вне рамок семьи: государственной мастерской, на заводе, фабрике и пр.

Но в государственной промышленности туркменка пока не принимает участия.

Единственное крупное промышленное предприятие, в котором применяется труд туркменки

*) По вопросу брака и кайтармы см. работу Шаскольской «Пережитки брака у туркмен» и заметку по поводу работы Шаскольской в журн. «Туркменоведение» № 7—8 за 1928 г.

** См. ст. Перимовой в журнале «Туркменоведение» № 1—4 за 1927 г.

*) Цифра несомненно ниже действительной ввиду недоучета: 50.000 метров ковров, предположенные к приему по госзаготовительным организациям по средней официальной расценке в 38 руб. за 1 кв. метр выразятся в сумме уже 1.900.000 руб., а государственные заготовки не охватывают, конечно, 76 проц. всего производимого продукта, как это показано расчетом.

нок — шелкомотальная фабрика в Ашхабаде. Из 362 женщин, работающих на фабрике, на долю туркменок приходится 50 проц. Так как фабрика работает меньше года, ожидать ее резкого влияния, вносящего изменения в бытовую обстановку работниц-туркменок, еще нельзя. Туркменки-работницы фабрики еще не в силе осмотреться и свыкнуться с новой окружающей их обстановкой. Фактически, они только изменили место работы и технические приемы ее — изменяющего же быт влияния фабрика пока не успела оказать. Туркменки на фабрику ходят из ближайших аулов. Молодых женщин туркменские семьи не отпускают на фабрику одних — они приходят наниматься или вместе с пожилыми родственниками, или с мужьями. Случаи самостоятельного распоряжения туркменками получаемым жалованьем очень редки. Обычно муж, тотчас же после получки, жалованье у жены отбирает, не доверяя ей расходованию. *). Нередко на территории фабрики происходят тяжелые сцены между работающими вместе супругами, и администрации фабрики приходится делать распоряжения о защите от тяжелых побоев чем-либо провинившихся перед мужьями жен. Защита женщины в часы работы на фабрике не несет изменения в их домашней жизни и, возвращаясь домой, работницы снова попадают в цепкие лапы жестокого бытового уклада. Агитационно-культурная работа, которая ведется среди работниц на фабрике, и влияние товарищей по работе-европеек, конечно, уже оказали некоторое свое воздействие на туркменок, и многие из них предпринимают первые шаги к изменению окружающей их бытовой среды.

Достижения последнего времени очень наглядно проглядывают. Так, открытые на фабрике ясли для детей работниц в первое время не посещались туркменками, в настоящее же время детей приносят уже многие туркменки и приток их увеличивается настолько, что ясли работают в 2 смены (на 45 детей в смену) и всегда перегружены. Некоторые молодые туркменки, избывая средством борьбы со старым — разрушение обращаются в фабричный комитет с просьбами помочь им развестись с мужьями, уйти из семьи

*) Среди туркмен-рабочих фабрики в значительной степени распространено пьянство и употребление терьяка, и некоторая доля заработанных женами денег идет на удовлетворение этих пороков.

и жить самостоятельно при фабрике; но ряд объективных условий — малая подготовленность туркменок к самостоятельной жизни, недостаток социально-воспитанного руководства над женщинами, предоставленными после ухода из семей самим себе, среди соблазнов густо населенного центра — привели к примерам неудачных попыток к самостоятельной жизни. Это вынудило крайне осторожное отношение к разводам, получить который туркменке гораздо труднее, чем европейке. *). Если у всех членов семейства есть согласное тяготение к переходу к новым формам быта, то и тогда редкая семья осмелится открыто выступить против существующего бытового уклада. Боязнь насмешек, осуждения, и наконец, преследований со стороны родных, подсказывает многим семьям путь полной перемены — уход из родного аула на новое место, где нет родственников и враждебно настроенных знакомых. Поэтому тяга рабочих шелкомотальной фабрики к переселению из аула в рабочий городок очень велика. Желающих переселиться в городок семейных рабочих настолько много, что отстраивающихся в этом году 200 квартир далеко недостаточно для удовлетворения поступивших заявок.

И не только работницы шелкомотальной фабрики, но и дехканки, рядовые члены козровых и других артелей, подтверждают частично начавшийся сдвиг в бытовой обстановке туркмен. Все они единодушно предсказывают успех государственных кустарно-промышленных мастерских, в будущем организующих вокруг себя десятки тысяч трудящихся туркменок.

Новые хозяйственные отношения и соответствующая обстановка изменят уже в ближайшее время основные черты быта и закрепят за женщиной пользование правом своего равного с мужчиной участия в производственном процессе и через него, полное участие в культурной и общественной жизни.

*) Судебными органами установлено, что больший процент требований развода с женами падает на бедняцкие хозяйства, что часто получившие развод женщины выдаются отцами замуж вторично за людей побогаче ради получения калыма, который, несмотря на запрещения и преследования, повсеместно тайно уплачивается. Если у суда имеются основательные доказательства в отсутствии других причин развода, кроме бедности оставляемого мужа, в разводе женщине, в большинстве случаев, отказывается.

